

Даже без слов и движений Цзысан Яньшу отчётливо осознавал, что он мёртв, что он испустил последний вздох прямо у него на глазах.

То, что он видел, было не самой душой, а злобой, оставленной этими существами перед смертью. Эта злоба навсегда останется с демонической ци, которая их погубила.

Эта демоническая ци сейчас находилась внутри Цзысан Яньшу, и только он мог видеть эти исчезающие проявления злобы.

Либо слиться с ними, либо полностью уничтожить и подавить демоническую ци.

Он мягко отстранил Е Цзюньчэ и подошёл к холодному телу, лежащему под огромным камнем.

Тело было накрыто его белой одеждой, и Цзысан Яньшу, вместе с тканью, бережно поднял иссохшее тело, тихо сказав:

— Цзин Хоу, я верну тебя в мир людей...

Он был покрыт инеем, его тело было изрезано ранами, и даже стоять было трудно. В ушах звучали крики злобных духов, и он почти не мог отличить, какие из них были настоящими, а какие — иллюзией.

Он нёс лёгкое тело Цзин Ляня через опустошённую гору Даньсюэ.

Когда исчезнувшие города снова появились в мире, Мин Юй снял барьер в провинции Хуай и поспешил в сторону горы Даньсюэ.

Когда барьер исчез, Е Синъюэ и Цзин Цянь поняли, что опасность миновала, и сразу же отправились с людьми в сторону города Грома.

Они поспешили в город Грома, но увидели только горы трупов.

Они открывали двери домов за домом, но везде находили лишь иссохшие тела, от которых остались только кожа и кости.

Даже Цзин Цянь, много лет сражавшийся на полях битв, не мог сдержать дрожь, увидев эту сцену.

Тин Юэ, который всегда жил в уединении на горе Линмин, никогда не видел ничего подобного и сразу же побежал в сторону, чтобы вырвать.

Оказалось, что бог, ставший демоном, куда страшнее самого демона.

Когда он снова нашёл остальных, небо грохотало, и дождь без предупреждения хлынул на землю.

Эта сцена напомнила Шисы события трёхтысячелетней давности, и он побледнел.

Дождь падал на него, но не оставлял следов на его одежде и волосах, однако его лицо было белым, руки дрожали, и голос тоже дрожал, когда он тихо сказал:

— Это мой брат... он...

Тин Юэ не успел разобрать, что сказал Шисы, как увидел, как Цзысан Яньшу, Е Цзюньчэ и Фэн Вэй приближаются издалека.

Цзысан Яньшу нёс человека, накрытого белой одеждой, и по пятнам крови на его теле было видно, сколько ран он получил.

Увидев, как они выходят из мёртвой тишины, все невольно затаили дыхание.

Выражения их лиц были безжизненными, и даже без слов некоторые ответы были очевидны.

Но пока они не произнесли это вслух, возможно, ещё оставалась надежда.

Цзин Цянь пристально смотрел на человека, накрытого белой тканью, в руках Цзысан Яньшу, с напряжением, но он не мог понять, откуда исходило это беспокойство.

На самом деле он уже догадывался, но не хотел признавать и даже думать об этом.

Он смотрел, как они шаг за шагом приближаются, и с каждым шагом его сердце билось быстрее, пока Цзысан Яньшу, обессиленный, не упал на землю, но руки его не разжались, продолжая держать белую ткань.

В этот момент Мин Юй сжал кулаки, хотел броситься вперёд, но в следующее мгновение остался стоять на месте, наблюдая издалека.

Только Е Синьюэ сразу же подбежал к нему и с беспокойством спросил:

— Господин Цзысан, вы...

Не закончив фразу, он увидел, как в глазах Цзысан Яньшу читаются вина и горе, и он пристально смотрел на замершего на месте Цзин Цяня.

Встретившись с этим взглядом, Цзин Цянь больше не мог обманывать себя, что ещё есть надежда. Он смотрел на человека, накрытого белой тканью, и всё понял.

Цзин Цянь шёл шаг за шагом, каждый шаг давался ему с огромным трудом.

Он не знал, как подошёл к Цзысан Яньшу, и не помнил, как снял белую ткань.

Даже увидев впервые лицо человека под тканью, он не мог поверить, что этот иссохший, почти неузнаваемый человек — его отец.

Несмотря на иссохшее тело и изменившийся облик, Цзин Цянь не мог не узнать своего отца.

Прошло много времени, прежде чем он взял Цзин Ляня из рук Цзысан Яньшу и сдавленным голосом произнёс:

— Отец...

В этот момент все его попытки утешить себя рухнули, и все эмоции вырвались наружу. Даже без слов, слёзы катились по его щекам.

С горы Даньсюэ вышли только они трое.

Е Синьюэ оглянулся назад, но никого больше не увидел, и у него возникло дурное предчувствие. Он тихо спросил:

— Те, кто сбежал из города Грома, говорили, что есть выжившие. Неужели они тоже...

— Простите...

Глядя на сломленного Цзин Цяня и на тех, кто с надеждой смотрел на него, Цзысан Яньшу не мог поднять голову. Его голос был хриплым, когда он тихо сказал:

— Простите... Я был бессилен, я не смог спасти никого...

На самом деле были выжившие, многие могли бы выжить, но он не смог спасти никого, даже видел, как они лежали перед ним, но был бессилен.

— Я был бессилен...

Цзысан Яньшу опустил голову, повторяя эти слова.

Хотя в этом мире не было никого, кто мог бы противостоять ему — будь то человек, бог или демон, — он всё же не смог спасти этих существ из лап Фэн И.

Глядя на раны Цзысан Яньшу, Цзин Цянь тихо сказал:

— Я знаю, что Король Драконов сделал всё, что мог. Спасибо за то, что вернул моего отца.

— Отец, я отведу тебя домой! — Цзин Цянь, с покрасневшими глазами, вытер слёзы и, взяв тело Цзин Ляня, направился к лагерю в городе Грома.

Цзин Лянь защищал границы, половину жизни провёл в городе Грома, и город стал для него домом.

Как полководец, Цзин Цянь верил, что даже после смерти его отец хотел бы быть похоронен на поле битвы, чтобы его душа продолжала защищать этот город. Это было его жизненным кредом.

Чем больше Цзысан Яньшу чувствовал вину, тем громче становились крики злобных духов в его ушах, и демоническая ци, запертая в его теле, начала бунтовать, пытаясь вырваться.

Когда иней снова начал распространяться по его телу, Е Цзюньчэ хотел передать ему духовную силу, но в следующее мгновение мягкая духовная сила уже окутала его.

Цзысан Яньшу поднял голову и увидел Мин Юя, стоящего перед ним с нахмуренным лицом, передающего ему энергию, чтобы растопить иней. На его лице читалось раздражение, и он сказал с досадой:

— Как ты снова умудрился довести себя до такого состояния? Даже если Фэн И стал демоном, он вряд ли мог так тебя измотать.

Произнося это, Мин Юй бросил взгляд на Е Цзюньчэ. Цзысан Яньшу уже не хватало сил, чтобы прикрыть его, и он с горькой усмешкой ответил:

— Я был неосторожен, он воспользовался моментом, но я всё же развеял его душу. Можно считать, что я за тебя отомстил?

— Гордец! — Мин Юй с досадой пробормотал себе под нос, затем, незаметно исследовав Е Цзюньчэ духовным взором, присел рядом и тихо спросил:

— Кто из старых богов на небесах знает об этом?

Цзысан Яньшу понял, о чём он, и мягко покачал головой:

— Те, кто мог догадаться, это, вероятно, только вы. Те, кто должен был умереть, уже умерли, но после событий на горе Даньсюэ, сколько ещё старых богов обратили на это внимание?

Дело в том, что Цзысан Яньшу всегда был одиночкой, редко сближался с кем-либо, и из-за страха перед ним в трёх мирах никто не решался приближаться к нему, стараясь избегать

любых связей с ним, если только это не было необходимо. Поэтому мало кто интересовался его делами.

Но те, кто помнил события тридцатитысячелетней давности, могли легко догадаться о личности Е Цзюньчэ, если бы приложили немного усилий.

Передавая духовную силу Цзысан Яньшу, Мин Юй также почувствовал его раны, и его лицо стало мрачным. Он спросил:

— Оно снова вернулось в тебя, и, кажется, стало ещё более неистовым. Где твоя Обратная чешуя?

Не дожидаясь ответа, Мин Юй бросил взгляд на Е Цзюньчэ и всё понял.

Его раздражение и гнев немного утикли, и в его глазах появилось что-то невысказанное.

<http://bllate.org/book/15101/1334323>